

Продолжение. Начало в № 1–12 за 2013 год, в № 1–12 за 2014 год,
в № 1–12 за 2015 год, в № 1–12 за 2016 год, в № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 за 2017 год

Его тексты предполагают музыкальную настройку. Может, биография сказывается? Прежде чем стать русским писателем, Борис Евсеев успел стать украинским музыкантом: окончил в родимом Херсоне соответствующее училище.

Что же в текстах? Плетется словами «буквенная вязь», а за словами, сквозь слова, помимо слов — вершится музыка. В словах — «авторская болтовня», «скрепляющие веревочки» событий, лезущий в глаза «блеск метафор»... Выверты стиля, портреты героев, их правота или неправота. Ералаш очевидностей — включая и раешник с его одурительной «словесной пургой»... все это — на повержности текста. А из глубины — та самая музыка... Гармония мотивов, смысл которых неуловим и непредсказуем... но именно так передается дуновение времени.

Сопрягая эту мелодию с рисунком текста, Евсеев так формулирует свой метод: «Я прозу не пишу, я ее рисую».

Едва уловимый, прозрачно-прерывистый, таинственный рисунок. Вроде бы с детства знакомый пейзаж Донбасса, места, где бывал бесчисленное количество раз, неделями, а то и месяцами гостя у деда с бабушкой, царство им небесное... Теперь этот пейзаж дышит необъяснимой тревогой... Гибелью дышит. Войной...

Война — скраденная, ублюдочная, затаившаяся. Война, которая «не знает», что она идет. Главный ее признак — «грязно-розовый воздух, лихорадочный и зловещий». Немыслимость понять, кто на какой стороне. Беззвучие, с которым люди превращаются в трупы.

Не трупы потрясают: тела валяются на обочинах, смешиваясь с грязью, а души убитых летают над спешно очищенными дорогами... Они-то и зывают к Смыслу. Это неумирание мертвых потрясает. Оно — теперешний Донбасс...

Путевые очерки об этом теперешнем Донбассе собраны теперь Евсеевым в книжку, заглавие которой тоже резонирует музыкой: «Казненный колокол».

Война странная. Стережет тихо. На случай бомбежки разработаны инструкции. Когда едешь в машине, больше шансов выжить, если остановишь машину и ляжешь около. Вернее, чуть отбежав от нее. Все предусмотрено! Как бежать и как лежать.

Лежит человек, а рядом — необъяснимая загадка: зачем эта война?

Бог, наверное, знает ответ, а люди — нет, не знают. Не хотят знать. Боятся узнать.

Читая евсеевские «Страсти по Донбассу» (подзаголовок книги), я все-таки жду от него объяснения происходящего. Почему тлеет пламя нена-

висти? Почему отравляют враждой свою жизнь народы, веками родственные? Откуда эта беда, эта злость, эта затаившаяся жуть?

Евсеев вспоминает детство: «...чудесные очертания любви и смирения, превосходный разлет русских и украинских танцев... Русско-украинские вытянутые в длину села, с конца века восемнадцатого и почти до самого конца века двадцатого не знавшие ни вражды, ни раздора»...

Что же сдвинулось в двадцать первом? И чего ждать?

«Станут ли Россия и Украина хотя бы добрыми соседями?»

В поисках ответов на проклятые вопросы Евсеев сопоставляет стороны обнажившегося конфликта. Россия — это власть государственного разума, Украина — боль души, так и не привыкшей к такой власти.

Как хорошо на мове петь! Но писать на мове государственные бумаги!.

«Каждый язык — для своего дела...»

Может, это не ответ, но предчувствие ответа?

«Показалось: глубокая и трогательная печаль, даже тоска с отчаянием, звучащая в украинских, по-особому скругленных песнях, в речи русской уходит и без следа пропадает. Зато даже в сумасшедших бормотаниях... выплескивается из русской речи на свет божий ясная ясность и непобедимая веселость».

Насчет непобедимой русской веселости я бы уточнил: государственная ляпка так плотно ложится на русскую шею, что только неумная веселость помогает нам ее вынести.

Так украинская грусть — преодоление от этого неумеа?

Что получается?

Получается — по Евсееву — вот что: «России суждено вечно от войн отбиваться, отпихиваться, но и воевать, чтобы сияющий мир без войн создавать... А Украине — той, видно, суждено причитать и плакать, предчувствуя уж не знаю что...»

Причитать и плакать мы горазды. А жить-то как?

«А жить... порознь. Вместе суждено только одно: от чужих слов и чужих налипаний очищать-

ся, старославянские корни свои вспоминать, их беречь, по ним дела свои без устали сверять...»

Грустно мне соглашаться с этим. Но приходится.

А если государственный инстинкт у украинцев возобладает? Какие тут модели предчувствует не теряющий юмора автор «Страстей по Донбассу»?

Вариант, который лезет в уши, — немецкий. Гиммлер, как знают историки фашизма, к делу приглядывался: слова «украинцы» не терпел, только «галичане».

Каков все-таки немецкий вариант?

«Придут немцы, всем по гектару выделят и себе совсем немного возьмут. А на гектаре на том можно ничего и не растить. Просто тем же немцам в аренду сдал — и живи себе на эти денежки, в Европе...»

Хорошая перспектива...

Может, американцев позвать? Эти дадут по два гектара. Но заставят дурь-коноплю выращивать.

Тоже не светит?

Выход один — строить свое, независимое Украинское государство. Но для этого должна вызреть воля народа. Такая же непоколебимая, как решимость крымчан вернуться в состав России. Или как воля народов Донбасса к независимости.

Решит народ Украины строить свое новое государство, с границами, которые устоялись веками, с властью, над которой не висят очередные перевероты, — будет посемеру.

Но пока ситуация еще колеблется и радетели со стороны стараются подкосить тысячелетнее славянское единство, разбивая его на части, как выносить все это? Как ответить на такой славянонос?

Раешник поможет?.. Про нас, «дуралеев», которых радетели стравливают с разных сторон...

Что будем делать?

«Спрячемся в развалюху-овин, станем англам и саксам неинтересны. Авось перестанут они в наших степях куролесить».

Авось — дело русское. Или уже универсальное?

Споешь тараторку-балаболку — и на душе легче...